

Мария Федоровна Глушкова

По крупицам собирается прошлого картина:

Из историй, что хранят прошедшие года,

Из улыбок, что помнят милые глаза,

Из голосов, что звучат в сердце.

Порой кажется, что времени узнать о прошлом предостаточно, да и люди никуда не денутся. Но время идет, и узнать историю из первых уст становится все труднее. Мария Федоровна Глушкова (Белькова в девичестве) поделилась со мной воспоминаниями о военном детстве и жизни после. Она является ветераном войны. 8 апреля ей исполнится 95 лет!

- Ваше детство пришлось на военные годы. Расскажите о том времени.

- Родилась в 1929 году 8 апреля в селе Краснояр Ревдинского района. Папа завербовался на Полевской лесоучасток, и мы переехали. В семье нас было двое: брат 1926 года рождения да я. В школу нас возили за 18 километров в мое родное село. Две-три недели живем там, а потом на выходной домой, так проучились три класса - началась война. Преподавать не стали, еды почти не давали, и мы убежали к родителям на лесоучасток. Заревели и сказали: «Больше не пойдём в школу!»

Взрослые протестовали: детей учить надо. Отделили от барака маленькое помещение. Четвертый класс мы тоже бросили, пошли работать – вязать метелки, попоны для лошадей. Лошади на участке были очень худые, еле на ногах стояли. Мы сами запрягались: один вместо лошади тянет, а другие палкой подталкивают сани.

Парней забрали в армию. Остались старики, старухи да молодежь. К нам прикрепили лошадей - возить дрова на берег и сплавливать до Ревды. Некоторое время мы с братом

возили на пару. Тяжело было поднимать эти бревна, казалось, что внутренности вот-вот выпадут. Попробуй норму не выполнить, на работу не выйти – судить будут. Строго было, никаких поблажек. На траве жили. Например, дерево гнилое выцарапываешь, домой в мешочке труху принесешь, просеешь все, мама что-то добавит и лепешки состряпает.

У папы была бронь – он работал шорником в конном дворе: хомуты, шлеи, узды делал, и у брата тоже – на лесоучастке был движок, который давал свет, выучился им управлять.

Работать нам надо было четыре часа, как несовершеннолетним, но мы работали с утра до вечера: вокруг лес, а взрослые все заняты. Как-то летом я в лаптях ходила, каждый день лес справляешь - ноги сырые, обопрели. Еле-еле пришла босиком в контору: «Я работать не буду», мне в ответ: «Как это не будешь? Что удумала?», папа заступился: «Ребенок, еле ходит», один день дали выходной.

Следующее лето я уже работала в бригаде из двенадцати человек. Бригадиром был татарин в годах, между нами мы называли его «Дед Бабай». Всего было три бригады: нашего Бабая, Петровского и Шмелева. Помимо леса, мы еще косили траву для лошадей. Тот день мне никогда не забыть, вся жизнь перед глазами пролетела. Утром пошли в поле, погода пасмурная. Бригадир говорит: «Лошадь брать не будем». Пришли, а тепло стало, и грести начали. Бабай кричит: «Давай за лошадью!», и я четыре километра бежала назад. Дорога проходила мимо конного стана, смотрю кобылок нет, может, успею проскочить.

За мной был прикреплен конь Буян, такой могучий жеребец.

Прибежала, села верхом и погнала в поле. Слышу колокольчик, думаю: «Ой, лошади пришли на стан. Как мимо поеду?» Буян как услышал лошадей, не пошел, начал меня скидывать. Я уздой ширкаю, порвала заусеницы, он боль почувствовал и рванул. Я люблю лошадей, но пришлось ему причинить боль. Подъезжаю к бригаде, а бригадир: «Ты что, с ума сошла? У него кровь изо рта!», я в ответ: «А что делать-то должна была? Он бы меня затоптал, и вам отчитываться»

Я волокуши возила на Буяне. Дед Бабай весь день траву рвал и ему рваные губы мазал.

Как закончим работу, бригадир на коня садится, а меня сзади, раз Бугай за мной закреплен. Вся бригада пешком, а я верхом, было лестно (от авт. – улыбается).

- Где Вас застала новость о победе?

- Мы шли из лесу, а по плотине бабы и ребятишки бегут, кричат: «Война кончилась! Кончилась!» У меня мурашки пошли от этих слов.

- Вы продолжили работать в бригаде? Когда переехали в поселок?

- Учебу мы уже пропустили, пошли лес рубить дальше. Приходишь, а там береза стоит: огребешь ее от снега, подрубишь один бок и пилишь двуручной пилой. Три куба в день нужно было сдать. Сучки обрубись, на метр распилишь - и в поленницу. Приду и ног не чую, папа мне ноги гладит: «Тяжкое время вам досталось». У баб ребятишки, они нас нахваливают, а мы только рады, в холодную воду лезем, чистим берега перед сплавом.

И приглядел меня мой будущий муж Иван Евстафьевич, начальником работал. Он к нам иногда приезжал, все восхищались: «Какой баской!» До войны он работал заведующим в ресторане в поселке и его называли «Губитель девичьих сердец». А тут и я подросла. Ему помощники говорили: «Если ее в жены возьмешь, не ошибешься, все умеет!» Он был женат, не регистрировались тогда, и дочь маленькая была, платил алименты. Он старше меня на десять лет, но в то время года не считали.

На участке поженились, а там его перебросили работать в Махневский район Свердловской области, станция Хабарчиха, на лесозаготовки. Несколько лет жили там, а у меня началась аллергия, там болота вокруг были. Сказали: надо менять климат. Муж отвез на время к родителям. Потом его перевели на Устье на лесозаготовку, а сам-то он пристанинский. Построили дом. Работать он мне не давал лет пятнадцать, говорил: «Наработалась ты уже». Я дома была с детьми, у нас родились три девочки Алевтина, Маргарита и Людмила, а они мне подарили пять внуков и правнуков, одного праправнука. Следила за домашним скотом, за домом. Начали строить дом в Артях, и вот до сих пор в нем живу.

В 1961 году пошла на завод в цех 2М на упаковку иглы. Всего было три пары, но про нас с Нюрой, Анной Петровной Шевалдиной, говорили: «Самые самостоятельные». Нам доверили упаковку иглы на экспорт. Проработав там 19 лет, уволилась по состоянию здоровья. На пенсию выходили в 55 лет, мне нужно было еще три года отработать. Устроилась в Пантелейково в быткомбинат, ухаживала за нутриями. Сварю, накормлю, почищу. Они приносят обычно по четыре детеныша, а у меня одна 12 дала. Они могут еще их съесть, но эти 12 остались. Я из дома молока приносила, кормила маленьких.

- Дома держали кого-то, кроме коровы?

- Всех передержали: куры, свиньи, телята-подростки. Одно время было модно носить шапки из песцов. Все начали их держать, и мы тоже. Я клетки для них сделала. Один песец такой красивый был, такой ласковый, знал путь к сердцу самок. Сердцеед Пушок и меня покорила. Как-то раз пришли самку покрыть. «Дикая она у меня. Уже сколько обошел, все не дается», - говорит хозяин. А Пушок ей видимо понравился, ласковой стала.

- Совет молодежи?

- Работать, не лениться. Не думайте, что лень копит силы, движение – это жизнь.

P.S. Я тоже не поверила, что этой прекрасной женщине скоро 95 лет.

- Меня на 90 лет приехала «делегация» поздравлять. Говорит мужчина: «Позовите, пожалуйста, Марию Федоровну Глушкову», я отвечаю, что это я. «Вы шутите? Вам лет 70, не больше», - все не унимался он, а я говорю: «Да, это я, паспорт могу принести».

Может, следовать совету Марии Федоровны, чтобы в 90 лет давали 70?

Елизавета КРЮЧКОВА

А позовите нам Марию Федоровну Глушкову

05.04.2024 10:10
